

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/24099554/23/16

«Основные идеи будут заложены, и выкорчевать их будет не так легко»»: образы и символы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) в прошлом и настоящем

*Ирина Евгеньевна Рогаева*¹
*Дмитрий Николаевич Шевелев*²

^{1, 2} *Томский государственный университет, Томск, Россия,*

¹ *irina_rogava@mail.ru*

² *shev-dn@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования значений образного и символического в коллективной памяти. В центре внимания авторов, с одной стороны, узловые точки формирования и трансформации символов и образов, лежащих в основе представлений советского и современного российского общества о Гражданской войне (1917–1922 гг.), параметры и направленность их изменений; с другой – ключевые смыслы, на которые опираются и которые воспроизводят позиционирующие себя «красными» и «белыми» сообщества российской социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: Гражданская война в России, историческая память, исторический нарратив, образ, большие данные, социальные сети, виртуальные сообщества

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00945, <https://rscf.ru/project/24-28-00945/>

Для цитирования: Рогаева И.Е., Шевелев Д.Н. «Основные идеи будут заложены, и выкорчевать их будет не так легко»: образы и символы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) в прошлом и настоящем // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 330–357. doi: 10.17223/24099554/23/16

Original article

doi: 10.17223/24099554/23/16

“The basic ideas will be established, and uprooting them will not be easy”: Images and symbols of the Russian Civil War (1917–1922) in the past and present

*Irina E. Rogaeva*¹

*Dmitry N. Shevelev*²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *irina_rogaeva@mail.ru*

² *shev-dn@yandex.ru*

Abstract. For over 70 years, the “leading and guiding force of Soviet society”, for whom the October 1917 Revolution was a “foundational myth”, dictated priorities, provided assessments, and established its own version of these events, pushing competing interpretations to the periphery and consigning them to oblivion, along with the signifying systems and symbolic universes they represent. However, what happens when images and symbols formed in one political and sociocultural context find themselves in another context? How resilient are they in new conditions, predisposed to replacement or reinterpretation? The authors aim, on the one hand, to identify key points in the formation and transformation of symbols and images that shape Soviet and contemporary Russian society’s understanding of the Civil War (1917–1922), characterizing the parameters and direction of their changes; and, on the other hand, using the thematic textual content of the Russian social network VKontakte, to identify the key meanings relied upon and reproduced by “Red” and “White” online communities positioning themselves as such. The authors conclude that a holistic understanding of the Civil War, combining a clearly defined ideological stance, a shared and unified historical interpretation, imagery, recognizable symbols, channels of transmission, tools, and methods of representation, was established in the 1920s and 1930s. In post-Soviet Russia, the events of the 1917 Revolution and the Civil War ceased to be about creating a new world, becoming instead perceived as a politically unsuitable past for building a new civic identity, one about which there is no societal consensus. While the prevailing interpretation of the Civil War has significantly shifted over several decades from Bolshevik heroism toward a recognition of it as a national tragedy, the symbolic repertoire and imagery related to the representation and identification of “Reds” and “Whites” have remained largely unchanged, essentially remaining Soviet in essence. This is clearly evident in

the discourses of thematic virtual communities on VKontakte. The discourse about the “Red” past is detailed, filled with numerous fragments taken in isolation, clichés, and loosely connected ideas. Events of the Civil War are mentioned alongside episodes of the collapse of the Soviet Union, the Great Patriotic War, and contemporary Russian history. Supporters of the “Reds” seem unwilling to discuss the past in the past tense, actively incorporating it into the present. Representations of the “Whites” are more holistic and profound, but also more tragic. The key motif of the “White” discourse is “Russia that we lost”. A core element in the representations of both “Whites” and “Reds” is Bolshevism, which irrevocably altered Russia’s fate. However, while the “White” discourse revolves around an ongoing (and essentially one-sided) debate with the “Reds”, the latter focus on the Soviet past itself, without a fixed focus on their opponents.

Keywords: Civil War in Russia, historical memory, historical narrative, image, Big Data, social networks, virtual communities

Financial Support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00945, <https://rscf.ru/project/24-28-00945/>

For citation: Rogaeva, I.E. & Shevelev, D.N. (2025) “The basic ideas will be established, and uprooting them will not be easy”: images and symbols of the Russian Civil War (1917-1922) in the past and present. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 330–357. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/16

Введение

Наша историческая память, как коллективно разделяемые представления о прошлом, основана на оформленном в связное повествование *нарративе*, в котором задается смысловая схема, последовательность и некоторая целостность репрезентации включенных в него сюжетов, ярких *образах и символах*, обеспечивающих узнавание исторических событий и героев былого, а также определенных ритуальных действиях, *актах коммеморации*, пробуждающих в нужное время своевременные общественные конвенции. При этом, как заметила А. Ассман, «ментальные, материальные и медиальные образы выполняют важную функцию, когда сообщество хочет выработать некое представление о самом себе» [1. С. 28].

В случае если в событиях прошлого участвуют противоборствующие стороны (а так бывает в большинстве ситуаций), то что и как помнить определяют победители, которые «не только телеологически трактуют ход истории как движение к их триумфу, но и держат закрытыми те архивы, которые позволили бы прийти к иному выводу» [1. С. 70–71]. Они же формируют символическое пространство, наполняют его знаками и образами, обеспечивающими воспоминание и узнавание прошлого в желательном для гегемона контексте. История Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны в этом смысле не является исключением. Свыше 70 лет «руководящая и направляющая сила советского общества», для которой Октябрьская революция 1917 г. являлась «мифом основания», определяла приоритеты, давала оценки и устанавливала свою версию этих событий, вытесняя на периферию и подвергая забвению конкурирующие интерпретации [2. С. 409–431], стоящие за ними знаковые системы и символические универсумы.

Однако что происходит в случае, когда образы и символы, сложившиеся в одних политических и социокультурных контекстах, оказываются в других условиях? Насколько они оказываются устойчивыми, предрасположенными к замещению или реинтерпретациям? Применительно к памяти о Гражданской войне в России (1917–1922 гг.) некоторые тенденции можно уловить в результатах опросов, проводившихся в 2005–2018 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Во-первых, эпоха войн и революций сохраняется в горизонте общественно значимого прошлого. Так, результаты опроса 2008 г. показали: для 48% опрошенных тема Гражданской войны и сегодня остается актуальной и интересной, ее следует поднимать и обсуждать, чтобы глубже понять Россию и решить ее сегодняшние проблемы [3]. В наши дни в российском обществе присутствует немало людей, идентифицирующих себя с той или другой стороной давно прошедшего конфликта. Согласно опросу 2005 г. почти треть (30%) респондентов выразили свои симпатии к противостоявшим в годы Гражданской войны лагерям (22% оказались бы скорее на стороне «красных», 8% – на стороне «белых») [4]; в 2018 г. этот показатель составил 23% (16 и 7%) опрошенных соответственно. Отвечая на вопрос о том, чью бы позицию они поддержали, если бы оказались в

России во времена Гражданской войны, 34% опрошенных выбрали большевиков (среди «советского», от 43 и старше лет, поколения – 42%), 14% – белогвардейцев (среди «путинского», от 18 до 32 лет, поколения – 20%) [5].

Во-вторых, по сравнению с началом 1990-х гг. несколько изменилась тональность в отношении к Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне. Опрос 2005 г. выявил рост позитивных оценок Октябрьской революции: с 22 до 32% увеличилось число респондентов, определивших, что она открыла новую эру в истории народов России, с 20 до 28% – что дала толчок их социальному и экономическому развитию. Примечательно и то, что свое положительное отношение высказали не только старшие (70%), но и молодые (54%) возрастные группы. Большинство опрошенных (54%) указали тяжелое положение народа как главную причину революции; каждый пятый (21%) отметил, что к революции привела слабость правительственной власти. Мониторинг 2018 г. показал, что 35% проинтервьюированных назвали главной причиной Гражданской войны иностранное вмешательство (34% – политику большевиков), а чуть больше половины (53%) связывали победу большевиков с поддержкой многомиллионных народных масс, с возглавленным ими союзом рабочих и крестьян, поднявшихся на борьбу против капиталистов и помещиков.

В-третьих, в сравнении с советской эпохой в современном российском обществе улучшилось отношение к антибольшевистскому лагерю и Белому движению. По результатам опроса 2018 г., 1% респондентов даже признали их победителями в Гражданской войне. Почти половина (47%) опрошенных в 2008 г. воспринимали лидеров и участников Белого движения как жертв трагического периода российской истории, 13% – как героев и патриотов, 14% – как врагов трудового народа. При этом считать их патриотами и героями наиболее склонны 18–34-летние (16%), а врагами – респонденты старшей (от 43 лет) возрастной группы (19%). Постепенно в российском обществе снижается негативное отношение к символическим фигурам, олицетворяющим Белое движение. С 41% в 2005 г. до 29% в 2018 г. понизился уровень антипатии к провозглашенному в годы Гражданской войны верховным правителем России А.В. Колчаку (уровень симпатии поднялся с 20 до 36%); немного другая, не линейная, тенденция прослеживается у лидера белого Юга, генерала А.И. Деникина:

с 39 до 30% снижается негативное и в то же время с 26 до 23% понижается и положительное к нему отношение.

В-четвертых, сама проблема политического противостояния между «красными» и «белыми» уходит в прошлое. В 2005 г. так считали 56% опрошенных, при этом 29% респондентов не были склонны занимать чью-либо сторону в минувшем конфликте, полагая и красных, и белых равно принадлежащих далекому прошлому, не имеющих отношения к современным проблемам российского общества. В 2008 г. события Гражданской войны отнесли к ушедшим в прошлое 39% опрошенных, в 2018 г. – 36% (среди людей в возрасте от 18 до 32 лет эта доля составляет 43%, среди 33–42-летних – 44%). О том, что фактор времени постепенно выводит Гражданскую войну из «горячей зоны истории» на периферию исторической памяти, говорят и косвенные данные: в 2005 г. – 32%, а в 2018 г. – 31% респондентов считали обе стороны в чем-то правыми, а в чем-то – нет. В ходе опроса 2008 г. 29% проинтервьюированных высказались в пользу того, что следует понять и простить всех ее участников, а 15% – согласились с необходимостью в равной степени реабилитировать и «белых», и «красных». Отсутствие интереса со стороны основного игрока на мнемоническом поле – государства, эрозия инфраструктуры памяти ведут к тому, что события, еще относительно недавно считавшиеся «мифом основания» Советского государства, становятся все менее узнаваемыми и забываются. Мониторинг 2008 г. показал: почти половина опрошенных (47%) не смогли назвать причины, а более половины (53%) не смогли определиться с виновниками в развязывании Гражданской войны; в 2017 г. – 53% отвечавших не смогли правильно указать ее годы, а 40% – испытывали затруднения с ответом на этот вопрос [6]. Когда в 2009 г. ВЦИОМ проводил опрос в связи с созданием комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории, только 6% респондентов назвали Великую Октябрьскую революцию и 3% – Гражданскую войну нуждающимися в защите от допущенных в предыдущее время искажений (для сравнения: Великую Отечественную войну – 34%) [7].

Все это свидетельствует о том, что, как справедливо заметили М. Ларюэль и М. Карнышева, «российская общественность, похоже, готова к примирению, но агностическим (т.е. признавая, но не принимая ни ту, ни другую сторону. – *Д.Ш., И.Р.*) образом». «Во-первых, –

как полагают исследовательницы, – она считает, что эти вековые бои уже не так важны, и что обе стороны конфликта были правы по-своему. Во-вторых, белая реабилитация приветствуется, если она может интегрировать текущий национальный пантеон, не оспаривая его... Но российское общественное мнение не одобряет прямое восстановление царизма или Временного правительства, которое отрицало бы глобальную легитимность Советского Союза. В этом согласованном видении исторической преемственности России белое прошлое может быть источником ностальгии, но не политическим проектом для страны» [8. Р. 107].

В результате сегодня мы наблюдаем причудливую эклектику мнений и взглядов на эпоху войн и революций, а также не менее замысловатую конфигурацию значений, лежащую в их основе, позволяющих сочувствовать, выражать антипатию или игнорировать в равной степени любую из сторон давно минувшего гражданского противостояния.

Цель нашего исследования – с одной стороны, определить узловые точки формирования и трансформации символов и образов, организующих представления советского и современного российского общества о Гражданской войне (1917–1922 гг.), охарактеризовать параметры и направленность их изменений; с другой стороны, взяв за основу тематический текстовый контент российской социальной сети «ВКонтакте», выявить ключевые смыслы, на которые опираются и которые воспроизводят позиционирующие себя «красными» и «белыми» интернет-сообщества.

Основным источником для написания данной работы послужил тематический текстовый контент сообществ социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com>), участники которых ориентированы на обсуждение «красной» и «белой» идей. Период охвата коллекции данных – с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2021 г. (подробнее технология поиска тематических сообществ и отбора данных представлена в нашей прошлой статье [9]). Итоговая выборка составила 76 сообществ «белых» и 141 сообщество «красных». На завершающем этапе сбора данных была осуществлена выгрузка текстового контента сообществ (постов и комментариев к ним). Записи сообществ в общей сложности составили 640 720 сообщений.

Дальнейшая аналитика проводилась на основе указанной выборки при помощи программы для автоматизированного интеллектуального

анализа данных естественного языка «PolyAnalyst» (<https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – «Megaputer Intelligence») [10]. Для исследования текстов были использованы узлы платформы «PolyAnalyst»: поисковый запрос, извлечение ключевых слов, извлечение сущностей, кластеризация, анализ тональности, узлы визуализации.

Становление советского образно-символического канона репрезентации «красных» и «белых»

Периодическая печать и политическая пропаганда времен Октябрьской революции и Гражданской войны сформировали основные образы противоборствующих сторон, предельно насыщенные, героически возвышенные для одних, гротескно-карикатурные для других, и контрастные, с одной стороны, и диаметрально полярные и непримиримо враждебные – с другой. «Стремительной, неудержимой лавиной движутся железные полки могучей, красной армии, нанося врагу удар за ударом, – писала в конце декабря 1919 г. томская газета “Знамя Революции”. – В предсмертной агонии мечутся контрреволюционные силы, не будучи в состоянии противостоять мощному, неудержимому напору рабочих и крестьян, воодушевленных великими идеями свободы и социализма. Жалкие банды Колчака, деморализованные вконец... Без остановки, без отдыха гонят советские орлы колчаковскую свору на восток и уже недалек тот день, когда последние остатки белогвардейцев-золотопогонников будут сметены в “тихое убежище” – Великий и Тихий океан» [11].

Тогда же «красные» и «белые» сложились как знаковые системы, за которыми стояли целые символические универсумы, предлагавшие своим сторонникам свою интерпретативную схему, упорядочившую и организующую для них социальную реальность. Прошедшие тщательный отбор и включенные в эти системы знаки необходимы были как идентификаторы «своих» и «чужих», символических маркеров, возвеличивающих одних и стигматизирующих других. Для большевиков и их последователей первостепенную роль играла символика цвета – Красный Октябрь, Красное знамя, Красная армия, красногвардейцы, красная конница, красные клинки, красная присяга, красная

казарма, красный уголок, красная винтовка. Не менее значимый символ – звезда, установленная весной 1918 г. в качестве нагрудного знака для красноармейцев. Визуальные средства пропаганды (фотографии, плакаты, карикатуры, открытки и даже агитационный фарфор) сделали эти символические маркеры узнаваемыми. Сформировалась целая традиция наглядной репрезентации типизированных участников гражданского противостояния, прежде всего «красноармейца» и «белогвардейца» [12. С. 12–18, 48–59].

С начала 1920-х гг. начинается целенаправленная работа по изучению и популяризации истории революционного движения и борьбы с царизмом, сохранению памяти о героях революции, использованию революционного прошлого в политическом просвещении. При Народном комиссариате просвещения РСФСР была учреждена специальная комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт), переданная в начале декабря 1921 г. непосредственно в ведение ЦК РКП(б) [13. С. 17–29]. К середине 1920-х гг. по всей стране была создана целая сеть местных истпартаов на правах отделов при областных и губернских партийных комитетах. Их работа развернулась по трем направлениям: сбор и систематизация источников (архивов, воспоминаний, анкет и личных документов ветеранов революции и Гражданской войны), изучение и публикация отобранных материалов, прежде всего в связи с двадцатилетием Первой русской революции и десятилетием Октябрьской революции, широкая просветительная работа и продвижение большевистской интерпретации истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Вместе с тем, по справедливому замечанию Ф. Корни, «единого нарратива об Октябрьской революции в первое десятилетие не возникло», поскольку «освоить искусство повествования, для чего советская власть предоставила широчайшую сцену, оказалось не так просто». «Тем не менее в первое десятилетие после 1917 года, – полагает он, – рассказ об Октябрьской революции стал основным языком, на котором бывшие граждане царской империи формулировали и осознали себя членами коммунистического государства – государства, которое представило своим гражданам радикально новый политический и языковой ландшафт» [14. С. 336].

В начале 1930-х гг. в СССР начинается впечатляющая своим размахом подготовка многотомной «Истории Гражданской войны». Объем издания изначально определялся в 150 печатных листов (10 выпусков по 15 печатных листов в каждом), тиражом в 500 тыс. экземпляров [15. С. 22]. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 августа 1930 г. в состав редколлегии вошли народный комиссар обороны СССР К.Е. Ворошилов, народный комиссар просвещения РСФСР А.С. Бубнов, председатель Президиума Коммунистической академии, директор Института истории и председатель Общества историков-марксистов М.Н. Покровский, начальник Политического управления РВС и РККА Я.Б. Гамарник, начальник и комиссар Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе, ответственный редактор журнала «Война и революция» Р.П. Эйдеман [16. С. 497]. В дальнейшем были образованы главная (А.М. Горький, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Киров, А.С. Бубнов, Я.Б. Гамарник, И.В. Сталин), а также историческая и художественная редакции [17. С. 3].

Инициатором выступил А.М. Горький, который также вошел в состав редколлегии. В нескольких письмах из Сорренто он убеждает И.В. Сталина в необходимости популярной истории Гражданской войны, «необходимой для дела политического, т.е. социалистического воспитания крестьянства».

«Непосредственные участники гражданской войны – крестьяне, – писал он 5 июня 1930 г., – дряхлеют, вымирают, и в их лице мы постепенно теряем живых свидетелей прошлого, людей, которые на своей шкуре испытали давление буржуазии и были активными участниками борьбы с нею... Общего же взгляда на гражданскую войну не имеют не только эти свидетели, но даже и многие партийцы, а крестьянской молодежи история гражданской войны или очень плохо, или совершенно неизвестна. Все мы хорошо знаем, что теория есть одежда фактов и одна теория без солидной подкладки фактов действительности стойкого революционера-коммуниста не создаст. Молодежи необходимо дать факты» [18. С. 216]. В другом письме, адресованном членам редколлегии, А.М. Горький раскрывал замысел задуманного им нового издания. «Это – указывал он, – первый и крайне ответственный опыт: дать массе рабочих и крестьян яркую, широкую и точную картину недавнего прошлого, в событиях которого непосредственно участвовали десятки тысяч будущих читателей этой

книги. Со всей прямотой и суровостью подлинной истории нужно показать массе ее роль в “Гражданской войне” – показать ее героизм, не скрывая, однако и фактов самопредательства, переходов с красного фронта на белый и т.п., – фактов, которые следует трактовать как явления массового самоубийства и объяснять, как уродливое недоразвитие классового самосознания» [16. С. 498].

В сравнении с линией, проводившейся центральными и местными истпартами, проект издания «Истории Гражданской войны» по многим аспектам имел принципиально новые черты. *Во-первых*, исходя из целевой установки – сделать будущий многотомник «предельно популярным, вполне доступным пониманию массового читателя», А.М. Горький предложил и последовательно отстаивал новаторский подход к самой подаче материала. Его поддержал И.В. Сталин, и в середине июня 1931 г. редколлегия определила, что в основу организации каждого тома будет положена следующая схема: «военные и гражданские историки-марксисты в соответствии с разработанным планом дают научно-исторические статьи, составляющие основной костяк “Истории”», а уже «в соответствии с этой исторической частью писатели дают художественную хронику гражданской войны». В итоге все тома серии «слагаются из научно-исторических статей и литературно-художественных материалов с использованием документов, мемуаров и воспоминаний участников гражданской войны» [15. С. 48].

Во-вторых, в отличие от истпартов 1920-х гг., допускавших и даже инициировавших многообразие локальных вариантов, отныне создавалась общая и единая для всех история Гражданской войны. Представленная в многотомнике интерпретация должна была восприниматься однозначно и не допускать разночтений и иных трактовок. «Это высшей степени ответственный политический документ, – пророчески охарактеризовал будущее издание один из членов редколлегии. – Ответственный потому, что предопределяет политическую точку зрения схемы исторического развития гражданской войны, и к нему нельзя так просто подходить... В этой работе, которая должна сыграть огромную воспитательную роль, мы не можем допустить такого материала, который может восприниматься по-разному. *Во-первых*, должно быть единство с политической точки зрения; *во-вторых*, минимум спорных пунктов, все должно быть бесспорно, потому что

читать будет масса... Мы даем миллионам точку зрения... И потом, поскольку все это будет подано в читаемом виде, основные идеи будут заложены, и выкорчевать их будет не так легко» [15. С. 45]. Для каждого тома была четко сформулирована целевая установка. Вот как она, к примеру, определялась для пятого тома («Колчаковщина»): «На примере сибирской контрреволюции показать роль социал-соглашательских партий в обстановке пролетарской революции... Показать роль организующих пролетарских центров в гражданской войне: Урал, Кузбасс, отчасти Красноярск. Раскрыть роль великодержавного патриота Колчака как верного слугу интервентов... Показать, как сибирское крестьянство, поддерживавшее вначале эсеро-чехо-словацкую контрреволюцию, на горьких уроках колчаковщины приходит в своей основной массе к пролетарской революции. Дать образцы героической и самоотверженной борьбы рабочих и крестьян, красного партизанства, революционного подполья, охватившего почти всю Сибирь в период колчаковщины и международной интервенции...» [17. С. 28].

В-третьих, основополагающей должна была стать доступность и наглядность изложения материала. И.В. Сталин лично отредактировал первый том, внес множество поправок. «Общий характер этих исправлений – точность, простота и законченность всех формулировок» [16. С. 543]. Особое значение он придавал заглавию тома, полагая, что «надо дать такое название, чтобы чувствовалось, что революция не была искусственной, что она выросла из всех условий тогдашнего периода, но чтобы в названии чувствовалось, что революцией руководила наша партия» [16. С. 544]. По предложению И.В. Сталина в первый том дополнительно включили две карты: установления советской власти, наглядно демонстрировавшей, что «в первые же 15 дней власть перешла в руки пролетариата в решающих местах в большей части страны», и фактически закреплявшей образ ее триумфального шествия; карту «географического размежевания революции и контрреволюции», иллюстрирующую политическую предопределенность центрального положения Советской республики и окраинное – антибольшевистских сил. Кроме того, Сталин настоял на дополнении подготовленного макета целым рядом портретов большевистских деятелей – Ф.Э. Дзержинского, М.В. Фрунзе, М.С. Урицкого, В.В. Куйбышева, Г.К. Орджоникидзе и др., а также карикатурами-шаржами их

политических противников – Ю.О. Мартова, М.И. Либера, А.Р. Гоца [16. С. 537, 539, 541].

Таким образом, закладывалась основа новой, героической трактовки революционной эпохи, составной и кульминационной частью которой рассматривалась Гражданская война.

В силу целого ряда факторов работа над подготовкой многотомного издания затянулась. Вместо изначально запланированного 1933 г., первый том «Истории Гражданской войны в СССР» вышел только в 1935 г. Его первое издание было напечатано тиражом 300 тыс. экз., второе (1936 г.) – 500 тыс. Следующий том вышел лишь в 1943-м, а завершающий пятый – в 1960-м. Заключение к нему звучит своеобразным лейтмотивом всей советской интерпретации истории Гражданской войны: «В тяжелых сражениях с иностранными интервентами и белогвардейцами трудящиеся Советской России с честью отстояли завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и спасли свою Родину от угрозы колониального порабощения. Со стороны пролетариата и трудового крестьянства гражданская война была войной справедливой, являвшейся продолжением политики социалистической революции – политики свержения буржуазии и помещиков. Трудящиеся массы боролись за упрочение Советской власти, за создание социалистического общества, не знающего эксплуатации человека человеком. Рабочие и крестьяне отстаивали в гражданской войне то дело, победа которого обеспечивала возможность им и их детям пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [19. С. 366].

Развернутая в научно-популярном издании «схема исторического развития гражданской войны» закреплялась в сознании советских людей яркими, запоминающимися, эмоциональными образами, созданными литературой и кинематографом. Тогда же, в начале 1930-х гг. на разных уровнях начинает активно обсуждаться тема советского героизма и советского героя [20], в том числе и в их проявлении в Гражданскую войну. «У каждой эпохи была литература создавшая собирательный тип героя, – говорил в феврале 1932 г. на втором пленуме Литературного объединения Красной Армии и флота один из его руководителей Л.М. Субоцкий. – Совершенно понятно, товарищи, что задача показа такого героя чрезвычайно трудна и чрезвычайно

сложна... Прежде всего перед советскими писателями, которые занялись такой тематикой, встает огромная опасность отрыва героя от масс, встает огромная опасность сделать его героем-одиночкой, героической личностью, не связанной с массами. Наш коллективный герой – масса... Но эта масса не безлика... Рабочий класс монолитен, но не обезличен... Наши герои обладают чертами героизма, отличными от героев буржуазной литературы... Мы должны всемерно подчеркивать, что основной базой нашего героизма является правильное понимание сознания классового долга и, вместе с тем, преодоление страха смерти, которое ведет героя к победе, что должно быть нами показано как естественное воплощение в жизнь правильно понятого классового долга» [15. С. 169–171]. Разноплановые образы героев Гражданской войны были отражены в романах Н.А. Островского «Как закалялась сталь» и В.В. Иванова «Пархоменко», популярных биографиях К.Е. Ворошилова, С.В. Фрунзе, В.В. Куйбышева, В.К. Блюхера, Н.А. Щорса, художественных фильмах «Чапаев» (1934), «Волочаевские дни» (1937), «Щорс» (1939) и ряде других.

Мы сознательно уделили столько внимания сюжету, чтобы показать, как начинало формироваться целостное понимание гражданской войны, соединившее четко выраженную идеологическую установку, общую и единую историческую интерпретацию, образный ряд и узнаваемые символы, каналы трансляции, инструменты и способы репрезентации. «Это была значительно упрощенная история, – несколько утрируя описал ее ключевые смыслы историк В.Н. Бровкин, – которая делила всех участников на героев и злодеев. Большевики были героями во главе с величайшим героем всех времен, товарищем Лениным, мудрейшим учителем и вождем всех пролетариев мира. Злодеями были белые, наемники мирового империализма и реакционеры, которые, опираясь на иностранные деньги и военные поставки, стремились задушить молодую Советскую республику. Они с треском провалились в своих контрреволюционных начинаниях, потому что весь русский народ, как гласит миф, поднялся в героическом усилии защитить Советскую власть рабочих и крестьян. Результат должен был доказать, что История была на стороне коммунистов, потому что прогрессивные силы революции победили реакционные» [21. Р. 3].

Образы и символы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) в представлениях «красных» и «белых» сообществ социальной сети «ВКонтакте»

Образы Гражданской войны, столь ярко выстроенные в советскую эпоху, продолжают оставаться востребованными среди современных россиян – резидентов XXI в. Несмотря на тенденцию к вытеснению этого сюжета на периферию исторической памяти, часть жителей России продолжает и сегодня идейно соотносить себя со сторонами конфликта, находя сторонников в том числе и в виртуальной реальности – в пространстве социальных сетей. Эмоциональные нарративы о драматичном прошлом регулярно возобновляются в повседневных публикациях сообществ, укрепляя силу социальной связи внутри них.

Анализ медиатекста позволил выявить специфику образа Гражданской войны, свойственную «красным» и «белым» сообществам ВКонтакте. Для углубленного анализа из имеющегося массива данных нами были отобраны тексты, содержащие словосочетание «гражданская война», раздельно для «красных» и «белых» сообществ. Наблюдения показали, что о Гражданской войне более склонны писать именно «белые» – целевой поиск обнаружил в датасете этой группы пабликов 17 289 текстов, содержащих указанное словосочетание, в то время как в наборе данных «красных» было обнаружено только 3 892 подобных текста.

Наиболее частотными словами в каждой сформированной текстовой коллекции предсказуемо оказались слова, отсылающие к крупномасштабному вооруженному противостоянию: «война», «государство», «власть», «нация». Облака ключевых слов каждого типа сообществ включают в себя также лексемы «большевик», «коммунист», «советская власть», маркируя «красную» сторону гражданского конфликта (рис. 1, 2). При этом не наблюдается столь же явного пересечения ключевых слов, связанного с отсылками к идеологии белых сил. Фактически узловым элементом конкурирующих репрезентаций гражданской войны (кроме самого факта боевых действий внутри страны) является большевизм/коммунизм, относительно которого отстраивают себя как его современные апологеты – члены «красных» интернет-сообществ, так и их идейные противники – приверженцы белой идеи в ее онлайн-воплощении на страницах «ВКонтакте».

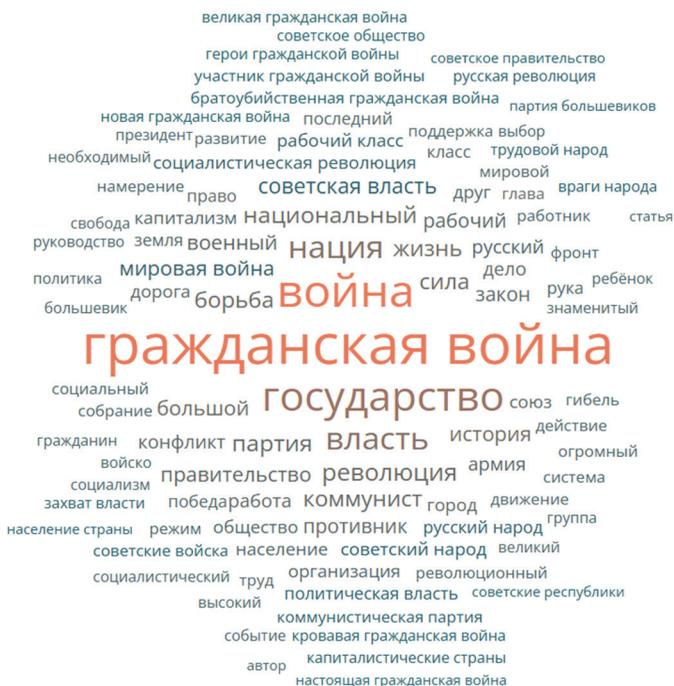


Рис. 1. Облако ключевых слов текстов о Гражданской войне в сегменте «красных» сообществ (первые 100 слов с наибольшей значимостью)

У «красных» это поддерживается историческими нарративами следующего типа: *«Мы можем одолеть врага только все вместе, под руководством политической силы, состоящей из нас самих. Как это было в Отечественную войну и в революцию, под руководством партии большевиков. Когда мы сами себя организовали и возглавили в борьбе за свой мир! Самим на местах создавать партийные ячейки большевиков, в нашем ДНКшит большевизм...»*¹.

¹ Здесь и далее цитаты пользователей «ВКонтакте» приведены с сохранением авторской орфографии.

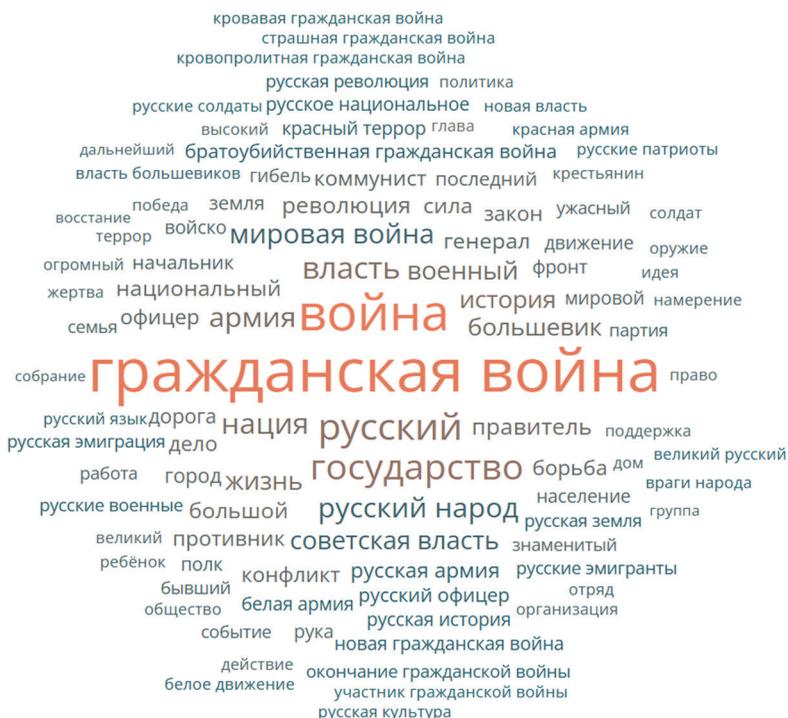


Рис. 2. Облако ключевых слов текстов о Гражданской войне в сегменте «белых» сообществ (первые 100 слов с наибольшей значимостью)

«Большевики действительно осуществляли акты насилия [во время Гражданской войны] преследуя свои задачи, но цели беспричинно, физически уничтожить конкретных людей – не было».

Приведем примеры текстов «белых»:

«Мифы о Гражданской войне. 1. “Большевики не свергли Царя”. Свергли, и очень активно. С самого начала существования РСДРП главной ее политической задачей, зафиксированной в программе, было “низвержение царского самодержавия”».

«Коммунисты – русофобы и фальсификаторы истории. Ведь для того, чтоб как-то оправдать свои преступления, свою антигосудар-

ственную деятельность, перевороты и террор, они врут про Царскую Россию. Называют её “тёмной, лапотной и отсталой”. По-настоящему, зачем они так делают – чтобы оправдать своих вождей, которые залили эту Россию кровью и создали на её месте скопище квазигосударств, которым управляла их партия».

В то же время о судьбе самого Белого движения склонны рассуждать лишь участники соответствующих тематических пабликов:

«Белое движение, несмотря на все события последних полутора десятков лет, так и не получило в общественном мнении адекватной оценки. Когда преступная сущность коммунистического режима выявилась в полной мере, казалось, было бы логичным воздать должное тем, кто ему противостоял. Однако этого не произошло и по сию пору».

«Белое движение являлось законным правопреемником тысячелетнего Русского государства и в годы революционной смуты было единственной организованной силой, отстаивавшей свободу русской нации, ее традиции, культуру, веру и жизненный уклад».

Анализ ключевых слов по параметру «значимость» (средняя частота встречаемости слова по всем текстам массива данных) показал разницу в ценностном восприятии, свойственном «белым» и «красным». В частности, для первых характерно преобладание лексем, связанных с национальными (и даже националистическими) ценностями: в их текстах заметны ключевые слова «русский» (3-е место в рейтинге значимости), «русский народ» (7-е), «русская армия» (23-е), «русский офицер» (33-е), «русская история» (43-е), «русская земля» (49-е), «русские военные» (55-е) и т.д. Явственен запрос на восстановление исторической справедливости: *«В течении всех 25 лет своей власти большевики стремились вытравить из русского народа все русское, стремились унижить национальное достоинство народа. Слово Родина было изъято из употребления, само имя русского было заменено, именем “советский”. Прошлое русского народа оплевывалось, смешивалось с грязью».*

Для второго – «красного» – блока сообществ характерен акцент на интернациональные ценности: вместо выражения «русский народ» действительно чаще используются словосочетания «советский народ», «советские республики» и т.п. Вместо апелляции к справедливости все еще слышны призывы к солидарности всех трудящихся.

Присутствуют отсылки к идеям мировой революции, пролетарского интернационализма и даже упоминания слов гимна «Интернационал»:

«С 1918 по 1943 год “Интернационал” являлся государственным гимном Советского Союза. Только великий подвиг пролетарских масс мог родить великие слова и музыку “Интернационала”».

«Так или иначе эта война у красных стала не братоубийственной, а прежде всего войной за освобождение от гнета буржуев и помещиков, которая непременно должна была стать войной за всемирное освобождение – Мировой революцией».

«Вместе с образованием СССР появился и Великий Советский народ. Советский народ – это новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, возникшая в СССР на основе победы социализма».

Несмотря на заведомую разницу в ценностных установках «белых» и «красных», результаты анализа тональностей медиатекста позволяют говорить о пересечениях в эмоциональных пространствах их виртуальных объединений.

Так, например, образ Гражданской войны воспринимается негативно как наследниками проигравших, так и победителей. И те и другие сходятся в том, что раздиравшее страну вооруженное противостояние была страшным, ужасным, разрушительным и бессмысленным, наделяют его эпитетом «братоубийственная война». Граф тональностей объекта «война» у «белых» имеет большее число ребер и узлов, что объясняется большим количеством текстов, связанных с гражданской войной, как уже было сказано выше (рис. 3 и 4). При общем отрицательном фоне взгляды «белых» статистически отличаются наибольшей мрачностью: количество негативных оценок составляет 89,6% против 80,6% у «красных»:

«С 1917 по 1922 года Россию корежила страшная гражданская война. Число погибших в боях, казненных, умерших от голода и эпидемий достигло 19–21 миллионов человек, 12–13% населения. 2 миллиона эмигрировало на чужбину».

«Хочется пожалеть и оплакать всех, кто погиб в ужасной гражданской войне, во время голода, раскулачивания, репрессий, войн. Всех этих искалеченных судеб могло бы не быть! Но как оплакать? Тем более всех...».

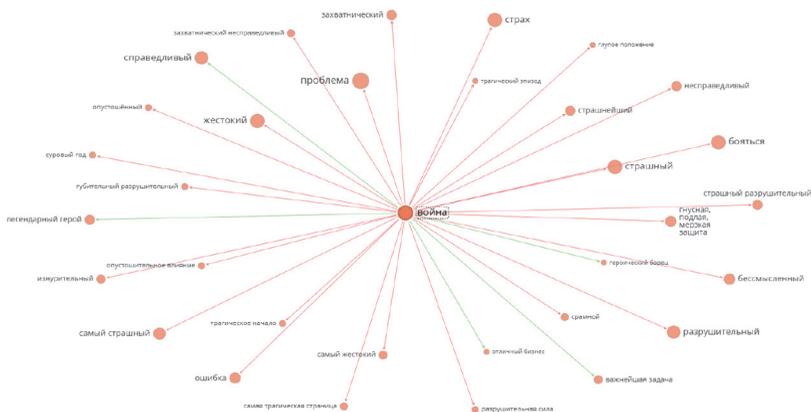


Рис. 3. Эмоциональные оценки объекта «Война» в текстах «красных» сообществ (зеленые стрелки – позитивные эмоции, красные – негативные)

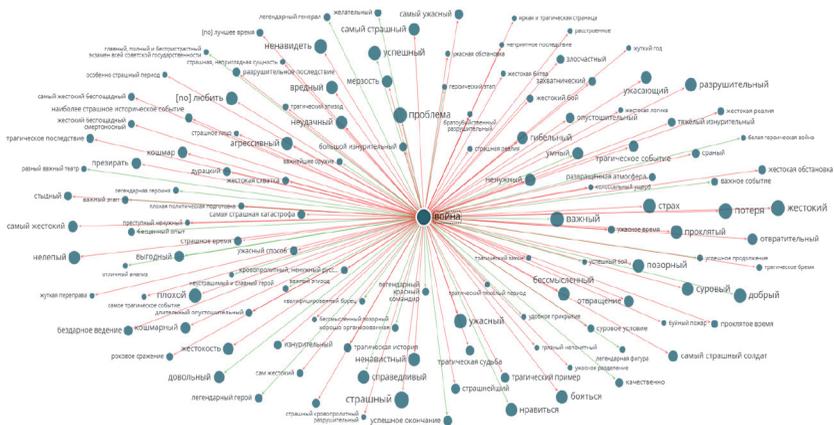


Рис. 4. Эмоциональные оценки объекта «Война» в текстах «белых» сообществ (зеленые стрелки – позитивные эмоции, красные – негативные)

На первый взгляд, столь же близкие эмоции у пользователей «ВКонтакте» вызывает образ революции, неразрывно связанный с

Гражданской войной. Эмоциональные реакции относительно революции у членов обоих типов сообществ характеризуются как отрицательные, причем, у «белых» уровень неодобрения вновь более высок (69,2% негативных оценок у «белых» и 58,7% у «красных»). Однако при более детальном рассмотрении заметно, что, несмотря на общий негативный фон, проявления конкретных тональностей в оценках революции разнятся. Так, у «белых» доминирующие эмоции – страх и ужас, с которыми в одном ряду стоят оценки революции как события трагического, кошмарного, за которым последовали самые худшие из возможных последствий:

«Те первые годы революции и гражданской войны были очень и очень страшны. Вся нормальная, естественная жизнь была разрушена, а новая – не построена».

«Пройдут годы, забудутся ужасы революции и гражданской войны... исчезнут odioзные народу имена, рассеянные по необъятному простору России, как уже исчезли улицы и заводы с именем Троцкого; вернется Ленинграду имя великого Петра, как и другим городам их исторические названия, обретут вновь и эти земли имена покойных Государя и Цесаревича, имена, принадлежащие им по праву истории».

У «красных» же ведущая тональность маркирована словом «провал», за которым скрываются попытки членов сообществ найти, объяснить и задним числом оправдать причины революции. В частности, их видят в неудачах царской армии, зависимости Белого движения от Великобритании и других стран-союзников. Пользователи пишут также, что революцию в России уберегла от провала стратегия В.И. Ленина. Таким образом, негатив в оценках «красных» связан скорее с тем положением, в котором оказалась Россия накануне прихода к власти большевиков, наиболее приемлемым (и, вероятно, единственно возможным) выходом из которого явилась революция.

Вершины рейтингов позитивных тональностей у «красных» и «белых» разнятся. Наиболее светлыми тонами у «белых» окрашено понятие «Родина», имеющее 81,6% позитивных коннотаций. Практически три четверти связанных с ним эпитетов относится к словам «любовь», «любить», «любящий». Именно любовью к Родине объясняются любые действия белых сил во время Гражданской войны:

«Император Николай II Александрович отрекся 2/15 марта 1917 года от Престола из любви к Родине, желая предотвратить усиление гражданского противостояния, однако вышло по-другому...».

«Белые воины запечатлели свою преданность народу и любовь к Родине не только своими полными героизма и самопожертвования жизненными путями, но и в смерти, которую, за Россию, встречали стоя в полный рост, добровольно, не страиась...».

«Красные» тоже не лишены любви к Родине, но это понятие занимает лишь 21 строчку рейтинга позитивных тональностей. В сущности, «красные» обращаются к теме Родины с теми же целями, что и «белые» – в стремлении оправдать свои действия: *«Патриотизм всегда неразрывно связан с любовью к своей Родине и верностью своему народу. Именно бойцы и командиры Красной Армии проявили мужество и самоотверженность для свержения старого режима и строительства нового Советского государства, во главе с народным правительством».*

В отличие от «белых», «красные» помещают поступки своих символических «предков» – большевиков в основание пантеона ратной славы России наряду с солдатами Великой Отечественной войны. «Белые» же не склонны экстраполировать действия многоликой антибольшевистской коалиции в будущее, напротив, подчеркивая связь с более давними эпизодами доблести российского оружия.

На вершине рейтинга позитивных тональностей «красных» находится «государство». Примечательно, что несмотря на это доля негативных оценок «государства» у «красных» превышает позитивные и составляет 57%. Так, например, ведущая тональность маркирована словом «отсталый», однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что дискурс «красных» главным образом ориентирован на прославление вклада большевиков в трансформацию России. Приведем примеры постов: *«Лидер КПРФ напомнил, что распахнувшаяся в ходе Первой Мировой войны Российскую Империю сумела восстановить на совершенно иных принципах партия большевиков во главе с Лениным. Ей удалось в короткий срок отсталую страну превратить в мировую державу и справиться с фашистской угрозой».*

В системе образов Гражданской войны видное место занимает ряд исторических личностей, причем набор персоналий различается у

«красных» и «белых» сообществ. Так, персоналиями, связанными с событиями Гражданской войны, с наибольшей поддержкой (т.е. встречающиеся в большинстве текстов) у «белых» являются в порядке убывания: Николай II, А.И. Деникин, В.И. Ленин, Л.Г. Корнилов, И.В. Сталин, А.П. Кутепов, митрополит Тихон, Л.Д. Троцкий, А.В. Колчак, Ф.П. Врангель. Кроме деятелей интересующего нас периода в дискурсе «белых» сообществ заметны фигуры, относящиеся к другим эпохам: как знаковые фигуры российской истории, например Александр Невский, Иван Грозный, Петр I, так и, например, писатели – Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Куприн.

Круг исторических личностей, ассоциированных с этим периодом, у «красных» ограничен (по нисходящей) В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Николаем II, К. Марксом, Л.Д. Троцким. Столь лаконичный набор персоналий еще раз показывает, что «красные» менее склонны рассуждать о Гражданской войне в принципе, а если и делают это, то с меньшим погружением в фактический материал, чем «белые». В отличие от последних «красные» в значительно большей степени ориентированы на повестку настоящего – посты о Гражданской войне прочно увязаны со злободневными вопросами современности. В их сообщениях регулярно встречаются имена Г.А. Зюганова, Ю.М. Лужкова, Кириленко, В.В. Путина, Б.Н. Ельцина, М.С. Горбачева. Приведем пример такого поста: *«И несмотря на это, по многим оценкам ученых, человеческие и материальные потери на территории уничтоженного СССР в результате последствий контрреволюции 1991–93 гг. превзошли не только потери в период Гражданской войны 1917–1923 гг., но и превзошли гигантские потери в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Естественно всем известны два ключевых антигероя этого процесса по предательству и уничтожению нашей Родины – Горбачёв и Ельцин (не умоляя вины остальных многочисленных фигур)»*.

Таким образом, репрезентации Гражданской войны на страница тематических сообществ «ВКонтакте» сильнейшим образом вплетены в канву хоть и героических, но глубоко трагичных по своей сути вех российской истории (что явно просматривается даже в браваре членов «красных» пабликов).

Заключение

Символы и образы, ассоциируемые в современном российском обществе с Гражданской войной (1917–1922 гг.) и служащие маркерами, идентифицирующими стороны «красных» и «белых», уходят своими корнями в советское прошлое. Целостное понимание революционной эпохи, соединившее в себе четко выраженную идеологическую установку, общую и единую историческую интерпретацию, образный ряд и узнаваемые символы, каналы трансляции, инструменты и способы репрезентации, было заложено в 1920–1930-е гг. В постсоветской России события Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны перестали играть роль сотворения нового мира, воспринимаются уже скорее как политически непригодное для выстраивания новой гражданской идентичности прошлое, по поводу которого нет общественного консенсуса. Если в принятой в обществе трактовке Гражданской войны за несколько десятилетий произошел значительный сдвиг от большевистской героики в сторону понимания ее как национальной трагедии, то связанный с репрезентацией и идентификацией «красных» и «белых» символический репертуар и образный ряд существенных изменений не претерпели, продолжая в своей основе оставаться советскими.

Последнее отчетливо заметно в дискурсах тематических виртуальных сообществ «ВКонтакте». Дискурс о прошлом «красных» детализирован, наполнен множеством фрагментов, взятых по отдельности, клишированных и слабо увязанных между собой. События времен Гражданской войны упоминаются в одном ряду с эпизодами периода распада Советского Союза, Великой Отечественной войны, современной российской истории. Последователи «красных» словно не желают рассуждать о прошлом в прошедшем времени, активно вовлекая его в настоящее. Репрезентации сторонников «белых» более целостны и глубоки, но вместе с тем и более трагичны. Даже рассуждая в тех же категориях, что и их идейные противники, «белые» делают акцент на тяжелом бремени, выпавшем на долю народа. Они предпочитают размещать более пространственные посты, часто это выдержки из статей профессиональных авторов или мемуаров. Ключевой мотив рассуждений «белых» – Россия, которую мы потеряли. Стержневой

элемент репрезентаций как сторонников «белых», так и приверженцев «красных» – это большевизм, навсегда изменивший судьбу России. Однако если дискурс «белых» завязан на непрекращающейся полемике с красными (по сути, односторонней), то «красные» сосредоточены на советском прошлом самом по себе, без фиксации на стороне оппонентов.

Список источников

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Розенберг У.* «По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции // Эпоха войн и революций: 1914–1922 : материалы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб. : Нестор-История, 2017. С.409–431.
3. Гражданская война в России: причины, виновники, последствия // ВЦИОМ. Новости. 2008. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-prichiny-vinovniki-posledstviya>
4. «Красные» против «белых»: гражданская война в России не закончена? // ВЦИОМ. Новости. 2005. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krasnye-protiv-belykh-grazhdanskaya-vojna-v-rossii-ne-zakonchena>
5. Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ. Новости. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya>
6. История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ. Новости. 2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud>
7. Наша история: нужно ли ее защищать? // ВЦИОМ. Новости. 2009. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-istoriya-nuzhno-li-eyo-zashhishhat>
8. *Laruelle M., Karnysheva M.* Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. London; New York : Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.
9. *Шевелев Д.Н., Рогова И.Е.* Гражданская война в России в исторической памяти и современных историографических нарративах: точки пересечения последнего десятилетия // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 139–156.
10. *Киселев М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А., Сазонов Д.С. и др.* Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.
11. Томск, 23 декабря. Путь победы – путь мира // Знамя Революции. 1919. 23 декабря.
12. Гражданская война в образах визуальной пропаганды : словарь-справочник. СПб. : Скифия-принт, 2018. 208 с.

13. Алексеева Г.Д. Испарт: Основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17–29.
14. Корни Ф. Октябрь. Память и создание большевистской революции. СПб. : Academic Studies Press; Библиороссика, 2024. 408 с.
15. Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов. М. : ИМЛИ РАН, 2018. 560 с.
16. История Гражданской войны в СССР (1935 г.): история текста и текст истории. М. : Российская политическая энциклопедия, 2017. 606 с.
17. История гражданской войны. Проект плана издания. М. : Гос. военное изд-во, 1931. 80 с.
18. Из переписки А.М. Горького // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 211–220.
19. История Гражданской войны в СССР. Т. 5: Конец иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (Февраль 1920 г. – Октябрь 1922 г.). М., 1960. 416 с.
20. Савин А.И. Вопрос о роли героической личности в истории в нарративе большевиков в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 30–46.
21. Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 1994. 470 p.

References

1. Assmann, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: Memorial culture and historical policy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Rosenberg, W. (2017) "Po tu storonu Velikoy Metaistorii" Voyny i Revolyutsii ["Beyond the Great Meta-History" Wars and Revolutions]. In: *Epokha voin i revolyutsii: 1914–1922* [Era of wars and revolutions: 1914–1922]. Proceedings of the International Colloquium. St. Petersburg. 9–11 June 2016. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 409–431.
3. WCIOM. (2008) *Grazhdanskaya voina v Rossii: prichiny, vinovniki, posledstviya* [Civil War in Russia: Causes, perpetrators, consequences]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-voyna-v-rossii-prichiny-vinovniki-posledstviya>
4. WCIOM. (2005) "Krasnye" protiv "belykh": grazhdanskaya voina v Rossii ne zakonchena? ["Reds" against "Whites": Is the Civil War in Russia not over?]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krasnye-protiv-belykh-grazhdanskaya-voyna-v-rossii-ne-zakonchena>
5. WCIOM. (2018) *Grazhdanskaya voina v Rossii: sto let spustya* [Civil War in Russia: A hundred years later]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-voyna-v-rossii-sto-let-spustya->

6. WCIOM. (2017) *Istoriya strany: stavim "otlichno", v ume derzhim "neud"* [History of the country: we give an "excellent" mark, but keep a "fail" in mind]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud>
7. WCIOM. (2009) *Nasha istoriya: nuzhno li ee zashchishchat'?* [Our history: Is it necessary to defend it?]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-istoriya-nuzhno-li-eyo-zashchishhat>
8. Laruelle, M. & Karnysheva, M. (2021) *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London; N.Y.: Bloomsbury Academic.
9. Shevelev, D.N. & Rogaeva, I.E. (2024) *Grazhdanskaya voina v Rossii v istoricheskoy pamiati i sovremennykh istoriograficheskikh narrativakh: tochki peresecheniya poslednego desiatiletiya* [Civil War in Russia in historical memory and modern historiographical narratives: points of intersection of the last decade]. *Istoricheskiy kur'er*. 5 (37). pp. 139–156.
10. Kiselev, M.V. et al. (2016) *Programma dlya EVM "Sistema intellektual'nogo analiza dannykh PolyAnalyst"* [Computer program "PolyAnalyst Data Mining System"]. Registration Certificate RU 2016617923.
11. *Znanya Revolyutsii*. (1919) Tomsk, 23 dekabrya. Put' pobedy – put' mira [Tomsk, December 23. The path of victory is the path of peace]. December 23.
12. Anon. (2018) *Grazhdanskaya voina v obrazakh vizual'noy propagandy: slovar'-spravochnik* [Civil War in images of visual propaganda: reference dictionary]. St. Petersburg: Skifiya-print.
13. Alekseeva, G.D. (1982) Ispart: Osnovnye napravleniya i etapy deyatel'nosti [Ispart: Main directions and stages of activity]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 17–29.
14. Kornii, F. (2024) *Oktyabr'. Pamyat' i sozдание bol'shevistskoy revolyutsii* [October. Memory and the creation of the Bolshevik revolution]. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika.
15. Anon. (2018) *Istoriografiya grazhdanskoy voiny v Rossii: Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov* [Historiography of the Civil War in Russia: Research and publications of archival materials]. Moscow: IWL RAS.
16. Anon. (2017) *Istoriya grazhdanskoy voiny v SSSR (1935 g.): istoriya teksta i tekst istorii* [History of the Civil War in the USSR (1935): History of the text and the text of history]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
17. Anon. (1931) *Istoriya grazhdanskoy voiny. Proekt plana izdaniya* [History of the Civil War. Draft publication plan]. Moscow: Gos. voen. izd-vo.
18. *Izvestiya TsK KPSS*. (1989) Iz perepiski A.M. Gor'kogo [From the correspondence of A.M. Gorky]. 7. pp. 211–220.
19. Anon. (1960) *Istoriya grazhdanskoy voiny v SSSR* [History of the Civil War in the USSR]. Vol. 5. Moscow.
20. Savin, A.I. (2024) *Vopros o roli geroicheskoy lichnosti v istorii v narrative bol'shevikov v 1920–1930-e gody* [The question of the role of a heroic personality in history in the narrative of the Bolsheviks in the 1920s–1930s]. *Istoricheskiy kur'er*. 5 (37). pp. 30–46.

21. Brovkin, V.N. (1994) *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Информация об авторах:

Рогаева И.Е. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Шевелев Д.Н. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.E. Rogaeva, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

D.N. Shevelev, Dr. Sci. (History), head of the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 04.12.2024.

The article was accepted for publication 04.12.2024.